

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

Татьяна Алексеева

Рига, Латвия

ЕВРЕЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В КУРЛЯНДИИ

В историографии Латвии до сих пор малоизученным является вопрос о первом появлении евреев на ее территории — в Курляндии. Исследование этого вопроса затрудняется и тем фактом, что архивные источники по ранним периодам истории Латвии, и в частности архив Курляндского епископства, находятся на территории других государств¹. Немногочисленные документы, опубликованные прибалтийско-немецкими историками по данной тематике, явно не исчерпывают темы и не вносят ясности в понимание вопроса. В прибалтийско-немецкой историографии доминировало мнение, что на территориях, находившихся под юрисдикцией Ливонского ордена, евреев быть не могло. Основой для этого мнения служил пункт уложения (*Landesordnung*) магистра Тевтонского ордена (ответвлением которого с 1237 г. являлся Ливонский орден) Зигфрида фон Фойхтвангена (1303—1311) о запрете на пребывание в пределах орденских территорий (в тексте “*in unserm lande zu Preussen*” — буквально «на нашей земле в Пруссии») евреев, чародеев, магов и вайделотов².

Следует, однако, отметить, что как источник данный указ магистра может рассматриваться лишь опосредованно, поскольку он известен в историографии не как прямой документ, а лишь в пересказе хрониста XVI в. доминиканского монаха Симона Грунау. Последний, составляя свою «Хронику Пруссии», как оказывается, не был чужд субъективных предпочтений, из-за чего в немецкой историографии даже прозвучало мнение о возможных искажениях действительного положения вещей³. Директор Берлинского архива Курт Форстрейтер (1897—1979) даже назвал хронику Симона Грунау «исторической беллетристикой», где возможны множественные фантастические цитаты⁴. Одной из таких «фантастических цитат» директор Берлинского архива считает и вышеупомянутый указ Зигфрида фон Фойхтвангена 1309 г., вставленный Сином Грунау в свою хронику с целью дискредитировать орден, не делающий в своем обскурантизме различий между магами (вайделотами, чернокнижниками) и ветхозаветной религией. А аналогичный пункт уложения 1503 г., изданного магистром Фридрихом фон Заксенем (*von Sachsen*, 1498—1511) не содержит никакого упоминания о евреях («... все чародеи, нечестивцы и богохульники...»)⁵.

Сам же хронист Симон Грунау, продолжая свое повествование, впадает в логическое противоречие, упоминая евреев в качестве жителей орденских территорий в XIV в.⁶, откуда они, по его версии, были все же изгнаны, поскольку нарушили пункт уложения 1503 г.⁷ То есть в течение XIV в. присутствие евреев вряд ли можно отрицать, тем более что другой источник — хроника Петра из Дусбурга (*Peter von Dusburg*) упоминает о диспуте, имевшем место в 1320 г. между магистром ордена и неким евреем⁸.

Отметив тот факт, что в толковании средневековых источников о возможности (или невозможности) легитимного присутствия евреев на территории Тевтонского ордена (и его ответвлений) нет единства и что, исходя из анализа вышеприведенных фактов, оно скорее всего имело место, обратимся теперь к локальному историческому контексту.

Что происходило в рассматриваемый период на территории нынешней Латвии?

Первое упоминание евреев в контексте истории Латвии связывают с серединой XIV в. Эпидемия чумы, или «черной смерти», прокатившаяся по Европе, в это время доходит до Латвии. Бедствие породило множество мрачных легенд, одной из которых является легенда об «отравлении колодцев». Легенда эта возникла на территории Центральной Европы как одно из проявлений юдофобии и имела хождение также на территории Северной Германии⁹. Именно в источнике из этого региона (письмо магистрата города Любека герцогу Отто Люнебургскому, 1350 г.) говорится о некоем казненном на острове Готланд преступнике, которого евреи Аарон и Мозес якобы снабдили ядом для отравления колодцев. В качестве мест, где были отравлены колодцы, назывались некоторые города Пруссии и, кроме того, курляндские городки Газеппот (Айзпуте), Гольдинген (Кулдига), Пильтен (Пилтене) и Виндава (Вентспилс)¹⁰.

Известно, что эпидемия чумы, шедшая до этого с юга Европы, в 1350 г. действительно достигла территории Латвии¹¹ и, видимо, действительно вызвала большие человеческие жертвы, в том числе и в вышеупомянутых городах. То, что магистрат торгового города Любека ставит это во взаимосвязь с еврейской темой, может быть обусловлено и скрытой конкурентной борьбой с нежелательными конкурентами и разного рода другими неявными мотивами.

Рассматривая же данный источник применительно к теме ранней истории евреев Латвии, думается, что даже народному суевию было бы невозможно приписать какие-либо действия евреев (в данном случае — Аарона и Мозеса) по отношению к перечисленным курляндским городам без наличия некоей причинно-следственной связи. По крайней мере можно смело утверждать, что к описываемому периоду (середина XIV в.) западные области сегодняшней территории Латвии были известны еврейской диаспоре, и наоборот.

Косвенно в пользу этого утверждения свидетельствует и находка под Елгавой (Митавой) еврейского надгробия, которое Р. Вундербар датирует XIV в.¹² По поводу этой находки существуют разные мнения. Некоторые считают ее фальсификацией¹³, другие, наоборот, учитывая глубину залегания надгробия и палеографическо-фонетические особенности надписи, согласны признать относительную древность его происхождения¹⁴.

Вышеприведенные факты в силу своей эпизодичности не позволяют делать какие-либо однозначные выводы о стабильном и перманентном существовании еврейской общины на территории Латвии в Средние века, но факт их спорадического появления там, начиная с XIV в., думается, не вызывает сомнений. На примере латвийского региона подтверждается классический тезис С. М. Дубнова о том, что «евреи издревле проникали на орденские территории со своими товарами»¹⁵. То, что в рассматриваемый период их часто можно было встретить в курляндских городах, объясняется довольно просто. Там евреи, как правило, выполняют функции торговых посредников, обычно с соседней Литвой, где еврейское население жило со времен Киевской Руси¹⁶.

Большое значение имела территориальная близость Польши, в которой законодательные акты с 1367 г. (привилегия Казимира Великого) давали евреям юридическую защиту¹⁷. На фоне волны гонений XII, XIII и особенно XIV в., прорвавшейся в Центральной Европе¹⁸, Польша постепенно становилась неким духовным центром европейского еврейского населения, что, несомненно, оказало свое влияние на развитие истории еврейского народа на сопредельных землях. Польские юридические нормы относительно евреев закрепляются в актах литовских князей (грамота князя Витовта 1388 г., привилегия Казимира Ягеллона 1441 г.). В 1507 г. Сигизмунд I подтверждает все ранние частные грамоты как общие для всего Великого княжества Литовского, распространяя таким образом законодательные нормы о евреях великопольских областей на объединенную с Польшей унией Литву¹⁹.

Можно предположить, что территории юго-западной Латвии, попавшие в свое время под юрисдикцию Польши, оказываются таким образом анклавом раннего стабильного поселения и укоренения евреев на территории Латвии. Речь идет прежде всего о так называемом Пильтенском округе (области). Территория эта площадью 4500 км², тянувшаяся с некоторыми перерывами от Пильтена и Газенпота до Дондангена (Дундаги), представляла из себя до середины XVI в. ядро Курляндского епископства²⁰. Стало традицией считать, что последний курляндский епископ, перед тем как в ходе всеобщей секуляризации в 1559 г. продать права на свои земли датскому королевскому дому, разрешает проживание в епископстве евреев²¹. Современная историография связывает время укоренения евреев на этой территории с 1550 г.²² Однако сведения о еврейских надгробиях первой половины XVI в., найденных именно на этой территории²³, говорят о возможности и более раннего поселения там евреев. Поиск прямых документальных свидетельств об этом, однако, затруднен не в последнюю очередь и тем, что архив Курляндского епископства не находится в настоящее время на территории Латвии²⁴.

Территория бывшего епископства, оказавшись с 1559 г. во владении датского королевского дома, в результате бурных политических перипетий по Кронборгскому договору 1585 г. отходит к Польше, которая, в свою очередь, сдает ее в аренду маркграфу Бранденбургскому²⁵.

Столь высокая степень вовлеченности в круговорот европейской политической истории, несомненно, способствовала и большей ротации населения, в том числе и еврейского, традиционно более мобильного по сравнению с другими этническими группами. Прямое же подчинение Польше с ее мягкими в отношении евреев законами тоже играло не последнюю роль. В совокупности эти факты обусловили совершенно особое положение еврейского населения Пильтенского округа, особые традиции его проживания и некий особый статус, который с изменениями, но все же сохраняется вплоть до конца XVIII в.²⁶ Здесь рано образуются еврейские общины, а право евреев на занятие торговлей и ремеслами защищается законом²⁷. Еврейский историк середины XIX в. Р. Вундербар считает, что уже с 1570 г. евреи Пильтенского округа занимают здесь прочные позиции в обществе и владеют недвижимостью²⁸.

Следует отметить, что и вне пределов Пильтенского округа западная часть нынешней Латвии дает довольно ранние документальные свидетельства присутствия там евреев, хотя бы и спорадического. Речь идет о Либавском (Лиепайском) и Гробинском (Гробиньском) уездах (крайний юго-запад Латвии),

находившихся с 1560 по 1608 год под временным управлением маркграфа Бранденбургского²⁹.

Архивные документы этого периода хранились в свое время в Кенигсберге, где с ними ознакомился довоенный латвийский историк Э. Блесе. Он открыл среди них, в частности, и материалы ревизионных комиссий, приезжавших из Пруссии на эти территории в конце XVI — начале XVII в. Среди сообщений ревизионных комиссий встречаются упоминания и еврейских торговых посредников (правда, в неодобрительном контексте). В частности, вплотную занявшись вопросом о сборе выброшенного морем янтаря в окрестностях Гробина (который по законодательным нормам этого периода должен был поступить в распоряжение прусского герцога), ревизоры отмечают крайне незначительное поступление его в 1581 г. В то же время выясняется, что не на столь большом отдалении от Гробина, а именно у евреев Полангена (Паланги), янтаря много.

Из дальнейших сообщений вырисовывается картина налаженной регулярной торговли янтарем, осуществляемой при посредничестве прибалтийских евреев. Выясняется, что еврейские торговые посредники регулярно объезжают побережье и либо сами добывают янтарь, либо покупают его у местных латышских крестьян³⁰. Полученный таким образом янтарь еврейские торговые посредники продавали в Мемеле (Клайпеде) и Данциге (Гданьск), причем речь шла о крупных торговых партиях. Так, например, только за один раз некоему купцу из Мемеля по имени Филипп Эберт еврейские торговые посредники, по сообщению той же комиссии, предложили полторы бочки янтаря³¹. Оценка этого факта прусской ревизионной комиссией, естественно, негативна, поскольку, как следует из текста, евреи успешно перехватывают инициативу в этом виде торговли, видимо, лучше, чем немцы, находя контакт с местным латышским населением.

В самой Пруссии в это время был принят ряд ограничительных мер в отношении евреев³², обусловленный целенаправленной борьбой крупных немецких городов Данцига, Мемеля и Кенигсберга за вытеснение нежелательных конкурентов.

Вопрос о взаимоотношениях находящихся в стадии становления государств молодой европейской цивилизации и лишённого своей государственности древнего народа-изгнанника достаточно сложен. Знания и опыт евреев в области денежного обращения, ремесел и торговли, развитие в течение их тысячелетней истории, охотно использовались молодыми государствами Европы на ранних стадиях их развития. Однако по мере укрепления внутриэкономических позиций и роста собственной торговой прослойки и городов евреи превращались в нежелательных конкурентов, подлежащих «выдавливанию» или прямому изгнанию. Действие классической формулы о судьбе евреев Европы *“so lange als wirtschaftliche Pioniere zu wirken, bis das Wirtvolk ihrer Arbeit nicht mehr bedarf”*³³ (нем. букв. «быть первопроходцами в экономике до тех пор, пока народ-хозяин не перестанет нуждаться в сотрудничестве с ними»), думается, в известной мере распространялось и на территорию Латвии.

Понимание сути исторического процесса в общеевропейском контексте, как нам представляется, способствует лучшему пониманию местных исторических источников и, в частности, Городского уложения Либавы (Либауи) 1625 г. Отдельным пунктом этого документа стоит запрет на пребывание там евреев: «...да не будут терпимы здесь евреи...»³⁴. Формулировка этого пункта уложения наводит на мысль, что запрещать нечто можно только там, где это «нечто» уже в

большей или меньшей степени себя проявило и стало в известной мере данностью.

Можно предположить, что в XVII в. в юго-западной части нынешней Латвии складывалась ситуация, аналогичная той, которую мы наблюдали в это же время в соседней Пруссии. Пруссия, находясь до середины XVII в. в вассальной зависимости от Польши с ее традиционно мягким по отношению к евреям законодательством, тем не менее время от времени принимала антиеврейские законодательные постановления локального характера, призванные оградить интересы городских сословий: инструкция рейхстагу (1608 г.)³⁵, запрет на пребывание евреев (1616 г.), не одобренный польским королем³⁶, ограничительный эдикт (1647 г.), призванный вытеснить евреев из городской торговли³⁷, и др. Тем не менее именно в это время на территории Пруссии действует ряд крупных еврейских предпринимателей, имевших влияние даже при королевском дворе³⁸.

Рассматривая ограничительное антиеврейское законодательство XVI—XVII вв., можно заметить, что оно направлено на вытеснение нежелательных (и, надо думать, успешных) конкурентов в торговле, а не на евреев как этнос. Подлежащими вытеснению объявляются не только евреи, но и голландские и шотландские купцы³⁹, что делает данный вопрос предметом рассмотрения скорее социальной истории, а не истории конкретного этноса.

Что же касается истории распространения еврейского населения в Курляндии, косвенным источником изучения чего служат и приведенные выше ограничительные законодательные акты относительно евреев, то следует отметить, что именно в середине XVII в. данный регион испытывает усиленный приток еврейских переселенцев с территории, сотрясаемой восстанием под предводительством Богдана Хмельницкого на Украине⁴⁰. Источники не позволяют пока дать исчерпывающий анализ их рода занятий. Однако существует мнение, что кратковременный, но мощный экономический расцвет Курляндского герцогства в период правления герцога Якова, приходящийся как раз на середину — вторую половину XVII в., не в последнюю очередь обусловлен привлечением в страну еврейских специалистов⁴¹. Надо думать, что в этот процесс были вовлечены не только польско-литовские евреи, но и евреи — выходцы из Германии и Нидерландов. Известно, что в Нидерландах в XVII в. евреи пользовались гражданскими свободами и играли значительную роль в экономике, и будущий курляндский герцог Яков, в силу ряда обстоятельств своей юности живший и воспитывавшийся на чужбине (в том числе в Нидерландах), не мог не принять это к сведению. Тем более что по юридическим нормам в Священной Римской империи германской нации, рейхсфюрстом (имперским князем) которой формально являлся и герцог Яков, право принимать евреев в государстве было оговорено за сюзереном⁴².

Историками признается возможным⁴³, что герцог Яков в своей хозяйственной деятельности использовал экономическую модель, примененную его близким родственником (братом герцогини) курфюрстом Фридрихом Вильгельмом (1620—1688). (Известно, что последний привлекал к своему двору евреев из Австрии, Богемии и других регионов, где они подвергались гонениям во время Тридцатилетней войны⁴⁴. Делалось это с целью быстрого экономического подъема Бранденбурга и других северогерманских регионов и превращения тогда еще никому неизвестного Берлина в новый экономический и политический центр Европы.) Эпоха меркантилизма в Курляндии, начатая герцогом Яковом, в первую

очередь связывается с совершенствованием налоговой системы. Важным инструментом стимуляции курляндской торговли и получения налоговой прибыли становятся таможи и удерживаемые ими лицензные сборы⁴⁵.

До сих пор, однако, мало внимания уделялось механизму конкретного функционирования этого положения на местах. Между тем в Латвийском государственном историческом архиве удалось отыскать документы, свидетельствующие о том, что многие смотрители таможен и даже один из войтов (наместников) Либавского побережья (*Strandfogt*) по имени Захария Даниель были евреями⁴⁶. Характерно, что в рассматриваемый период не принимаются какие-либо жесткие ограничительные акты о евреях и они подлежат налогообложению наряду с остальными⁴⁷. В самом конце XVII в. при преемниках герцога Якова, однако наступает резкое ослабление герцогской власти, и усилившееся дворянство (в рамках вечного соперничества с центральной властью) принимает на ландтагах ряд юдофобских постановлений⁴⁸. Это время принято считать концом эпохи меркантилизма в Курляндском герцогстве.

XVIII в. приносит в историю евреев Латвии несколько иные, подчас весьма драматические черты, что, несомненно, является темой отдельного исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Zeids T. Senākie rakstītie Latvijas vēstures avoti. R., 1992. 47. lpp.*

² Цитируется по Прусской хронике Симона Грунау (Simon Grunau's preußische Chronik // Die preußischen Geschichtsschreiber des XVI. und XVII. Jh. Leipzig 1876—1896. Bd. 1. S. 474). Краткая еврейская энциклопедия (Иерусалим, 1988. Т. 4. Стб. 686) данный указ датирует 1306 г. (Вайделоты — языческие жрецы у балтских народов. — *Ред.*)

³ *Liebl M. Die jüdische Minderheit im baltischen Herzogtum von Kurland und Semgallen (1561—1795): Ihre Wahrnehmung durch die Umgebungsgesellschaften in einem ständisch gegliederten Staat: Dissertationarbeit an der Universität Potsdam. 2004, S. XIX.*

⁴ *Forstreuter K. Die Juden im Deutschordenslande Preußen: Ders. Wirkungen des Preußenlandes. Vierzig Beiträge // Studien zur Geschichte Preußens / Hrsg. v. W. Hubatsch. Köln; Berlin, 1981. Bd. 33. S. 271.*

⁵ *Ibid. S. 272.*

⁶ *Ibid.*

⁷ *Ibid. S. 273.*

⁸ *Ibid. S. 273—274.*

⁹ *Кандель Ф. Очерки времен и событий. Иерусалим, 1988. С. 48—50*

¹⁰ Auszug aus einem Schreiben des Rathes zu Lübeck an Herzog Otto von Lüneburg, betreffend vielfache von Juden — auch in Curland — verübte Vergiftungen ums J. 1350. // *Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch nebst Regesten / Hrgs. F. G. v. Bunge. 1873. Abt. 1. Bd. 6. N MMLXXXVIII. Sp. 515—516: "...et cum venit Lubek, in hospitio Hermanni Sassen, sui hospitis, quidam Iudaeus, nomine Moyses, sibi occurrebat, cui narravit omnia ante dicta, et ille Moyses ipsi Tiderico X marcas Lubecensis cum quodam pixide cum veneficiis condonavit, et sic de Lubek versus Vrowenborch in terra Prutiae transvelificavit, ibri circa XL homines vel plures tradidit morti, et inde versus Memele, ubi iterum circa XL capita interfecit, X deinde versus Hassenputh, ubi XL homines vel plures moriebantur de praedictis. Deinde versus Goldinge, ubi XL, et in Piltena XL homines, et ultra in Winda quot capita interfecit, propter ipsorum pluralitatem, exceptis Curonibus, mortuis et interfectis de eodem".*

¹¹ *Hermani de Wartberge. Chronicon Livoniae Scriptores rerum prussicarum. Leipzig, 1863, Bd. 2. S. 77*

¹² *Wunderbar R. Ein bei Mitau aufgefundenener alter hebräischer Leichenstein // Allgemeine Zeitung des Judenthums. 1857. Nr. 21. S. 9.*

¹³ *Rosenthal H. Art. Courland // The Jewish Encyclopedia. N. Y., Vol. 7. P. 312.*

- ¹⁴ *Liebl M.* Op. cit. S. XXIV.
- ¹⁵ *Dubnow S.* Weltgeschichte des jüdischen Volkes von seinen Uranfängen bis zur Gegenwart. Berlin, 1927. Bd. 6: Die Geschichte des jüdischen Volkes in der Neuzeit. S. 338.
- ¹⁶ Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1893. Т. 11. С. 453.
- ¹⁷ Там же. С. 451.
- ¹⁸ Еврейская энциклопедия. СПб., [1908—1913]. Т. 6. С. 351—355.
- ¹⁹ Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. 11. С. 453.
- ²⁰ *Latviešu konversācijas vārdnīca.* R., 1933—1934. 10. sēj. 19117. sl.
- ²¹ *Гессен Ю.* Дарование гражданских прав евреям в Курляндии // *Восход.* 1904. № 10. С. 35.
- ²² *Berkis A.* The reign of duke James in Courland, 1638—1682. Nebraska, [1960]. P. 100.
- ²³ *Wunderbar R.* Geschichte der Juden in den Provinzen Liv- und Kurland seit ihrer frühesten Niederlassung dasselst bis auf die gegenwärtige Zeit. Mitau, 1853. S.19.
- ²⁴ *Zeids T.* Op. cit. 47. lpp.
- ²⁵ *Latviešu konversācijas vārdnīca.* 10. sēj. 19123. sl.
- ²⁶ *Гессен Ю.* Указ. соч. С. 35.
- ²⁷ *Wunderbar R.* Geschichte der Juden... S. 17.
- ²⁸ *Ibid.*
- ²⁹ *Blése E.* Pārskats par studijām Prūsijas valsts arhīvā Karajāučos 1929. g. vasaras komandējuma laikā. R., 1929. 32. lpp.
- ³⁰ Relation von wegen der Gronobinschen Commission überantwort durch Georgen Osterberger, Aszmusz Grosz und Daniel Proschwitz zu Königsberg den 23. Novemb. A[mmo] 15[81] (см.: *Blése E.* Op. cit. 33. lpp.).
- ³¹ *Ibid.*
- ³² См. *Leugnich G.* Geschichte der Preußischen Lande... seit dem Jahre 1526. Danzig, 1726. Bd. 4. S. 189; 1727. Bd. 5. S. 33.
- ³³ *Jüdisches Lexikon.* Herlitz u. Kirschner. Berlin, 1927—1928. Bd. 2. S. 1074.
- ³⁴ Перевод документа XVII в. (ЛГИА, ф. 554, оп. 3, д. 395, л. 11).
- ³⁵ *Leugnich G* Op. cit. S. 33.
- ³⁶ *Ibid.* S. 115.
- ³⁷ *Ibid.* S. 259.
- ³⁸ *Ibid.* S. 177.
- ³⁹ *Liebl M.* Op. cit. S. 191.
- ⁴⁰ *Ibid.* S. 201.
- ⁴¹ *Levinson I.* The Untold Story: Jews in Courland and Livonia. Johannesburg, 1958. P. 76—77.
- ⁴² *Ziegenhorn Chr.* Staatsrecht der Herzogtümer Kurland und Semgallen. Königsberg, 1772. S. 214.
- ⁴³ *Berkis A.* Op. cit. P. 101.
- ⁴⁴ *Levinson I.* Op. cit. P. 77.
- ⁴⁵ *Rosenthal H.* Op. cit. P. 312.
- ⁴⁶ ЛГИА, ф. 554, оп. 1, д. 1764, л. 192, ф. 554, оп. 3, д. 396.
- ⁴⁷ Lantagsschluss vom 2.06.1661.
- ⁴⁸ *Бобе М.* История евреев Латвии. Рига, 2006. С. 34.